

Говорят, что у каждого крупного режиссера должен быть свой большой успех и свой большой провал. Тодоровский, снявший такие нетленки, как "Военно-полевой роман", "Любимая женщина механика Гаврилова", "Интердевочка", "Анкор, еще анкор!", не жалеет останавливаться на достигнутом и снимает без устали. Он не боится падений, увлеченный перспективой взлетов.

— Без провалов как можно обойтись? Тогда считай, что ты и не жил, не работал. Я знаю режиссеров, которые очень бледнут наработанным имидж и от этого теряют форму, годами не снимают, ищут такой сценарий, чтобы прямо "ах". Нет, я так люблю кино и так люблю снимать, что это не по мне. Я не могу сидеть и ждать, поэтому часто нахожусь на грани провала, балансируя на лезвии ножа. Все считают, что моя вершина — это "Военно-полевой роман". Наверное, это так. Но я еще очень люблю фильм "Фокусник", да и "По главной улице с оркестром", да вообще, это все мои дети. Я всех их люблю. А провалы — если они и были, то лишь потому, что я был вынужден снимать не совсем то, что мне хотелось бы. Слава богу, у меня нет ни одного фильма, за который мне было бы стыдно.

До определенного времени Тодоровский слыл законченным лириком. Трагическое, проникновенное кино, добрый, вызывающий ностальгическое умиление финал. И вдруг — резкий поворот на сто восемьдесят градусов. Он снял "Интердевочку", переполошил всех этим фильмом, и пошло-поехало. Любовные бури сменились социальными. Перестройка на него, что ли, так подействовала?

— Меняется время, меняется обстановка, люди — меняюсь и я. Ничего не могу с собой поделаться, сам собой получается печальный конец — два или три фильма подряд. Видимо, я уже другой Тодоровский. Раньше — да, я снимал кино доброе. Но мне это немножко надоело, мне показалось, что я повторяюсь. И захотелось чего-то более жесткого.

Наверное, чтобы она стоил в своих властных женских ручках нити всех финансовых и организационных проблем Петра Ефимовича. Мира Григорьевна решительно взвалила на свои плечи обязанности продюсера последних картин мужа. Но этого ей показалось мало: появились отдельные проекты, началась работа с дру-

от тебя ушла женщина, чтобы ты ревновал, влюблялся, изменял жене.

Он по холоду никак никогда не прятался. Видно невооруженным глазом.

— Если я влюблялся, то мне чаще всего отвечали взаимностью. Я не могу жаловаться на то, что у меня было много безответной любви. Но и уж особым множеством романов тоже не могу похвастаться, я всегда был в работе. А так какие-то проходящие романы, замечательные. Правда, я, наверное, не всегда по-джентльменски выглядел. Хотя что еще можно в жизни любить, кроме женщин? Я люблю женщин, я люблю кино, вкусно поесть, хорошую книгу. Просто я люблю жизнь и надеюсь, что это взаимнообразно. Отдыхать не умею, не понимаю этого. В свободное время — играю на гитаре, которая мне помогает придумать новый сценарий, сочинить новую мелодию, освободиться от всех марозмов. Героиня одного моего фильма говорит: "У меня был прекрасный муж. Он переживал все важное и неважное и умер". Так вот, надо научиться переживать только важное. А чаще всего переживаешь из-за какой-то ерунды.

Вторая его жена — Мира — строгая. И немудрено: она держит в своих властных женских ручках нити всех финансовых и организационных проблем Петра Ефимовича. Мира Григорьевна решительно взвалила на свои плечи обязанности продюсера последних картин мужа. Но этого ей показалось мало: появились отдельные проекты, началась работа с дру-

Моск. кассеточка - 1995 - 28 окт. - с.2.

НЕСЕРЬЕЗНОЕ ОТНОШЕНИЕ К КИНОФИЛЬМАМ, СОБАКАМ И ЖЕНЩИНАМ

Петр Тодоровский: "Режиссер должен влюбляться"

гими режиссерами.

— Она закончила Институт инженеров морского флота. Когда мы поженились, начала писать научно-популярные сценарии и настольно увлеклась кинематографом, что на "Интердевочке" стала одним из продюсеров. "Анкор" уже она вела. Сейчас Роскино дает деньги катастрофически маленькие, и если они попадают в чужие руки, которые хотят на этом погреться, то от суммы вообще ничего не остается. Поэтому мы работаем тандемом. Ссоримся иногда, конечно, ну как же без этого. Зато надежно.

Сам Петр Ефимович в этой области — почти что младенец. Что бы там ни говорили, он как был лириком, так им и остался. Даже не ожидала такой сентиментальности от умудренного жизнью человека.

— Я люблю природу. К сожалению, только когда стал почти старым, начал понимать, что все людское — это суета. Кто-то сказал, что дурак хочет получить звезды с неба, а мудрец любит себя ими. Мы находимся на этой прекрасной земле. И птичка, и вода, и небо, и солнце, которое нас греет, — это чудо. Сколько я себя помню, у нас дома жили собаки. Последнего мне из Питера привезли, я назвал его Мэйс. Отчество, разумеется, Петрович, а поскольку порода колли, то получился Мэйс Петрович Коля. Это был потрясающий пес. К сожалению, нам попался очень плохой врач, который его погубил. Мы больше месяца боролись за его жизнь, но он умер. После этого я больше не могу взять собаку. Полугай вот живет — Кеша.

Как это и свойственно большинству лирически-сентиментально настроенных людей, его словно магнитом притягивает прошлое. И Тодоровский вновь и вновь возвращается в эпоху своей юности, как будто

что-то не успел, не смог, не додумал тогда.

— Я считаю, что мы прожили такую страшную, такую интересную и сложную жизнь, что главные книги и главные фильмы о ней будут сделаны и написаны спустя может сто лет, может, пятьдесят. Придет новый Лев Толстой и напишет "Войну и мир". Я не думаю, что эта великая, трагическая эпоха уже исчерпала сама себя в искусстве.

— А вы-то что же — современники, живые свидетели? Годы запретов и цензурных рогов осели неистребимым ощущением страха в вашей крови?

— А вы спросите об этом у Окуджавы, у Хуциева, у всех тех, чьи родители были расстреляны в тридцать седьмом году. Знали многое, понимали и молчали. Потому что хотели жить. Я начал понимать значительно позже, у меня мозги были сильно нафаршированы всей этой идеологией, я готов был выцарапать глаза кому угодно, даже своим родителям, если они ляпнут хоть слово против советской власти.

— И как же складывались отношения с властью?

— Замечательно — у нас никаких отношений не было. Если меня и притесняли, то только по поводу фильмов. Очень тяжелой была сдача фильма "Фокусник", трагическая судьба у картины, которую мало кто видел, — "Своя земля", драматической была сдача и "Военно-полевого романа". Я получил на бланке список из девятнадцати поправок, и одна из главных — убрать все коммуналки. А весь фильм был

листы: нам бы только работать.

— В одном из телеинтервью Тодоровский-младший обронил, что большую часть детства он провел в интернатах...

— Да пускай он не врет. Однажды мы отдали его в лесную школу, когда я "Фокусника" снимал. Я должен был жить в гостинице, жена тоже работала в группе, поэтому отдали его в замечательную санаторную школу-интернат. Месяца два с половиной. Вот и все.

— Валерий Петрович давно доказал, что он — абсолютно самостоятельная личность в искусстве. Хотя папино имя все равно тянется за ним, как королевский шлейф.

— Раньше это было очень запрещено. Только шахтеры имели право на трудовые династии, а режиссеры — нет. Но он вырос в такой семье. Потихоньку начал писать маленькие рассказы, у него хватало самостоятельности бросить свою школу, он нашел другую, где выбрал себе гуманитарный класс. Далеко пришлось ездить, но там был замечательный педагог по литературе, и сын за три года прочитал всю классику: и западную, и нашу. Лежал ночами, читал. И поступил во ВГИК на сценарный. Я, честное слово, пальцем не шевельнул. Теперь он уже профессионал. Он не рассказывает своих замыслов — боится, чтобы я не проговорился.

Это я, как пес Барбос, всем рассказываю свои истории, а это нельзя, потому что украдут. Много лет назад я снимал "Фокусника".

Мужчины не имеют обыкновения скрывать свой возраст. Годы, как лавры, увенчивают их седины. Юбилей и чествования им к лицу. Петр Ефимович Тодоровский, отпраздновав недавно свое семидесятилетие, даже и не пытается соотносить эту круглую дату. Все равно не получится.

Меня предупредили, что этой зимой он перенес тяжелую операцию на сердце. Лежал в больнице в Мюнхене. Не утомляй, мол, человека своими вопросами сверх меры. Ну, думаю, часа мне вполне хватит, а больше — невежливо. Какое там! Так просто от него не уйдешь. Всей бы сильной половине человечества иметь такой жизненный тонус — нелегко бы пришлось тогда молодым неопытным журналистам. "Вы, — спрашиваю, — на сколько лет себя ощущаете?" — "Меня, — отвечает он уклончиво, — частенько критикуют нынешние молодые деятели. Так вот, я надеюсь увидеть, на что они сами будут способны в моем возрасте".

Как раз Калининский проспект строился, мы работали там на задворках. Видели, как все это возводят. Со мной работал сценарист Миронер ("Весна на Заречной улице" — его работа), и я ему говорю: знаешь, какую историю можно снять: вот живет человек, у него дверь выходит на Калининский, а окно — на Бродвей. Он на работу идет в одну сторону, а вечером — в другую. А потом я узнал, что он написал заявку. Недавно появилась "Окно в Париж". И ничего не докажешь.

Он веселится. И ничуть не расстраивается. На редкость жизнерадостный человек. Оптимист?

— Стопроцентный. Даже о войне вспоминается только доброе, светлое. А какие на фронте радости? Вот мы сидим в обороне, полтора месяца, — грязь, окопы. И приходят снайперхи. Потрясающе! Мы сразу сумки побросали, к ним поближе подесли — и ля-ля-ля. А они пришли работать, на войну пришли. Куда там — девушки! У нашего комбата была любовь. Она очень заразительно смеялась, эта женщина. И мы, жалкие, ничтожные, грязные, стояли и слушали, — зима, ночь, окопы, а тут смеется женщина. Так родился "Военно-полевой роман".

Он пришел поступать во ВГИК, отрубив пять лет в армии. Через год Петра Тодоровского отчислили за профнепригодность. Он схватил двойку по мастерству. Кто бы мог подумать, что еще через несколько лет в конце третьего курса он станет Сталинским стипендиатом. И не остановится на этом достижении.

Так до сих пор и не останавливается. И откуда у человека столько энергии?

Катя ПРЯНИК.
Фото Александра ИЗОТОВА.